

Шмигель Михал

Университет Матей Бела в Банска-Быстрице (Банска-Быстрица, Словакия)

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В 1920-х гг. в недавно появившейся Чехословакии осуществлялась одна из наиболее крупномасштабных в своем роде гуманитарных программ в истории чехословацкого государства и Европы того времени. Это была помощь тысячам так называемых русских эмигрантов — беженцев, которые в результате Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и изменения политической системы в России — установления большевистского режима и диктатуры пролетариата, а также германской и польской оккупации западной части бывшей империи и впоследствии Гражданской войны были вынуждены покинуть свою страну и искать спасения в демократической Европе того времени. Чехословацкая программа помощи «русским» беженцам — эмигрантам² основывалась не только на принципах гуманизма, братства, но в первую очередь на славянском единстве и принадлежности к центрально- и восточноевропейскому пространству.

Если в XIX — начале XX в. эмиграция из Российской империи имела преимущественно экономический или религиозный характер, то во время Первой мировой войны первостепенными становятся причины политические. Первые эмигранты появились сразу после вступления России в войну. Февральская революция и падение монархии углубили этот процесс [1, с. 15]. В связи с угрожающей внутривнутриполитической ситуацией в России страну начали покидать сотни тысяч граждан. Возникла так называемая «Русская эмиграция первой волны» или «Белая эмиграция» (1917—1922 гг.), которая в годы гражданской войны приобрела огромный размах, а в дальнейшем приняла массовый характер. Причины этого в основном были одни и те же. Это было несогласие с победой и властью большевиков, с новым общественным порядком (в первые дни они встретили мощную внутреннюю оппозицию, кото-

¹ Статья была разработана в рамках гранта VEGA № 1/0145/12 «Migračné procesy na Slovensku v rokoch 1918—1948» («Миграционные процессы в Словакии в 1918—1948 гг.»).

² В дальнейшем выражение «русские» беженцы (эмигранты) употребляется как нейтральное обозначение граждан (независимо от фактической национальной принадлежности) бывшей Российской империи.

рая после создания воинских частей Белой гвардии приступила к военным действиям), а также страх насилия в годы гражданской войны, а после нее — страх последующих репрессий.

Уже после Февральской революции и отречения императора Николая II от престола некоторые «русские» — прежде всего семьи аристократов, приближенных ко двору, — стали покидать родину, чтобы переждать «смутное время» за рубежом. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. масштаб эмиграции значительно увеличился [2]. Родину покидали политики, бывшие государственные деятели, предприниматели, интеллигенция. За границей осталась часть «русских» экспедиционных корпусов, военнопленные и интернированные, не пожелавшие возвращаться в Советскую Россию [1, с. 16]. Постоянно росло число граждан, покидавших страну в различных направлениях и с отступающими армиями интервентов. Самая большая волна беженцев последовала за немецкими войсками, эвакуировавшимися с территории Украины и Беларуси в конце 1918 г. Многие бежали в Китай из Поволжья и Сибири после поражения и раздела армии Колчака в 1918—1919 гг. Некоторые были вынуждены покинуть Одессу вслед за французским флотом в 1919 г. Пик исхода русских и представителей других народов бывшей Российской империи пришелся на 1920 г.: в феврале в связи с уходом из Северной области России англо-американских войск и при эвакуации частей Деникина из Новороссийска; в ноябре после падения последнего оплота белогвардейцев — Крыма и эвакуации остатков армии Врангеля вместе с гражданскими лицами в Турцию и Грецию [3, с. 28]. В последующие годы количество эмигрирующих зависело от внутривнутриполитических шагов Советской России, а затем Советского Союза (за пределы страны были принудительно высланы многие инакомыслящие граждане).

Часть беженцев направилась на восток — в Маньчжурию и Китай, но основная масса последовала на запад — в Прибалтику, Финляндию, Польшу, Турцию, Чехословакию, Болгарию, Королевство СХС, Германию, Австрию, Францию, США и др. Основными европейскими центрами, в которых в 1920—1930-е гг. обосновались «русские» эмигранты, были Константинополь, Вена, Варшава, Белград, София, Париж, Берлин и Прага.

Общая численность «первой волны» оценивается по-разному. В 1924 г. великий князь Николай Николаевич заявил в Париже, что русская эмиграция по всем странам насчитывает около 3 млн человек. По данным, собранным верховным комиссаром по делам беженцев при Лиге Наций Ф. Нансеном, в 1926 г. только в 11 странах Европы и Азии проживало свыше 1 млн 131 тыс. человек, эмигрировавших

из России [1, с. 19]. В современной литературе общая численность русских, покинувших Россию в 1918—1922 гг., оценивается в 1,5—2 млн человек (около четверти из них принадлежали к Белым армиям, ушедшим в эмиграцию в разное время с разных фронтов) [4].

К этому количеству необходимо добавить русские меньшинства, которые еще перед большевистским переворотом обосновались в соседних странах Балтии, Польше, Румынии, Финляндии, а также в Маньчжурии, США, Канаде и Западной Европе. Таким образом, после 1917 г. за пределами Советской России оказалось около 10 млн русских, не считая представителей других народов бывшей Российской империи [5, с. 9]. По некоторым источникам, в 1930-е гг. в европейских странах только украинцев насчитывалось около 600 000 человек.

В социальном отношении «русская» эмиграция не была однородной — состояла из представителей всех социальных слоев старого общества. Среди них, кроме открытых и активных врагов большевистской власти, командиров и солдат Белой армии, казаков, военных специалистов и служащих русской, украинской и белорусской администрации (речь идет в основном о высокообразованных людях) и широкого спектра членов различных политических партий, находилось и значительное количество ученых, сотрудников университетов, инженеров, врачей, священнослужителей, литераторов, музыкантов и других представителей интеллигенции и культурно-интеллектуального потенциала. Значительную долю также составляли простые «русские» люди, в основном крестьяне. Общим для всех беженцев являлось ожидание скорого возвращения (в начале 1920-х гг. никто не знал, как долго продержатся большевики у власти). Эта вера была столь велика, что вызывала в неоднородной эмигрантской массе сильное сопротивление дальнейшим попыткам ассимиляции [3, с. 28].

Осознавая этот факт, советская большевистская власть объявила политическую амнистию для всех беженцев — эмигрантов из России и последующую программу по репатриации. Поскольку эта форма возвращения в целом была безуспешной³, большевистское руководство

³ Акцию по репатриации проводил «Союз возвращения на Родину» и его филиалы в отдельных центрах эмиграции в Европе. Часть эмигрантов по разным объективным или субъективным причинам поддавалась пропаганде и с помощью акций вернулась на родину. В течение 1921—1931 гг. таким способом было репатрировано около 180 тыс. человек. Однако с «возвращенцами» советские органы поступали в основном согласно одному сценарию. Бывшие офицеры, военные чиновники и солдаты были расстреляны сразу после возвращения, другие скончались в лагерях на Севере и Востоке СССР. Так проявились истинные планы против эмигрантов, в понимании большевиков — предателей родины.

пошло на крайние меры. Декретом от 15 декабря 1921 г. оно лишило гражданства всех беженцев, а также тех, которые проигнорировали призыв возвратиться на родину, не обратились в советские консульства и не подали заявления о выдаче советского паспорта до 1 июня 1922 г. [6, с. 129; 5, с. 10]. В результате этих действий «русские» эмигранты оказались не только людьми без родины, но фактически лицами вне закона, у них не было действительных документов, а без документов им оставалось только уповать на милость отдельных стран мира.

Следует подчеркнуть, что положение беженцев из России зависело от их страны пребывания. Однако в целом вопрос о юридическом положении так называемых «русских» эмигрантов не был решен, несмотря на очевидные попытки Лиги Наций улучшить положение русской эмиграции введением так называемых паспортов Нансена⁴ или принятием международного соглашения о правах и защите эмигрантов из России. Можно констатировать, что вопрос о юридическом положении «русских» эмигрантов юридически и фактически остался нерешенным до 1945 г. [7].

Для большинства стран Западной и Центральной Европы, столкнувшихся с экономическими трудностями и социальными последствиями Первой мировой войны, беженцы — эмигранты из России были бременем (или становились дополнительным фактором дестабилизации внутреннего положения), которое затрудняло решение собственных общественно-политических и экономических вопросов. После обострения проблемы эмиграции правительства европейских государств начали принимать конкретные меры по его решению, как правило, предлагая беженцам два выхода: либо возвращение в Советскую Россию (репатриацию), либо безоговорочное принятие гражданства страны пребывания (что, однако, в эмигрантской среде воспринималось как попытка ассимиляции). Ни первое, ни второе решения не были приемлемыми для беженцев и вызвали среди них бурю негодования.

Аналогичной была ситуация в Чехословацкой Республике (ЧСР), которая имела огромные социально-экономические и внутривнутриполитические проблемы консолидации молодого государства и тоже боролась

⁴ Паспорт Нансена — специальный юридический документ, предоставляющий владельцу статус бездомного с правами гражданина страны или привилегированного иностранца (с возможностью жить за границей без гражданства). С октября 1923 г., а в массовом количестве с 1924 г. паспорт выдавался эмигрантам из бывшей царской России и интенсивно использовался в основном русской и украинской эмиграцией. Свое название паспорт получил в честь Ф. Нансена (1861—1930), занимавшего в то время пост комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев и являвшегося основателем Женевского комитета международного центра для помощи эмигрантам из России.

с трудностями репатриации «русских» военнопленных, унаследованных от Австро-Венгерской империи, но все-таки предлагала другой подход. В марте 1918 г. — к моменту подписания Брестского мира — на территории Австро-Венгрии находилось около 0,9—1,2 млн «русских» военнопленных. Из них к концу войны были репатриированы только 60 тыс. человек [8, с. 19, 135]. Остальные очутились в странах, возникших на развалинах Австро-Венгерской империи. Общий хаос, который воцарился после крушения монархии, усложнил процесс репатриации военнопленных.

На территории Чехословакии находились в основном русские военнопленные, которые оказались на попечении Министерства национальной обороны ЧСР и были постепенно транспортированы обратно на родину. Однако их транспортировка проходила очень сложно. Коммуникации были во многих местах разрушены, большинство вагонов и локомотивов повреждены, проявлялся недостаток топлива, бензина и угля. Репатриационные пути преградили боевые действия, вспыхнувшие после распада Российской и Австро-Венгерской империй [9]. Не весь транспорт из-за сложившейся в то время ситуации в регионе прибыл к месту назначения. Случалось, что некоторые из военнопленных возвращались в ЧСР и хотели остаться, пока ситуация в России не стабилизируется.

Репатриация всех бывших «русских» военнопленных, независимо от их национальности, была запланирована до конца 1919 г. [8, с. 137—138]. Тем не менее в конце февраля 1920 г. в ЧСР оставалось 7,5 тыс. русских военнопленных и более 5,1 тыс. интернированных украинцев, размещенных в отдельных лагерях и казармах (Терезин, Йосефов, Границе на Мораве, Хоцень, Прага, Немецке Яблоннэ). Министерства обороны и внутренних дел ЧСР жаловались, что их ряды пополняли бывшие военнопленные русской армии из других стран (в основном из Германии), нелегально прибывающие в Чехословакию [10].

Между тем с 1919 г. в Чехословакии начали появляться «русские» беженцы. Сначала это были выходцы из Западной Украины и Западной Беларуси, а также из европейской части России и из Прибалтики. Вместе с чехословацкими легионерами в 1920—1921 гг. прибыли эмигранты из Сибири и с Дальнего Востока [11]. Активнее стали прибывать на рубеже 1920—1921 гг. после эвакуации из Новороссийска и Крыма армии Врангеля. К тому же общественные деятели из числа беженцев обратились к чехословацкому правительству с просьбой предоставить нескольким тысячам «русских» эмигрантов возможность переселиться в ЧСР [2]. Значительная часть эмигрантов прибывала в страну нелегально.

В этой ситуации правительство Чехословакии заняло особую позицию по отношению к «русским» беженцам, решая ее в соответствии со своими внешнеполитическими приоритетами. Инициатором решения этой проблемы был чехословацкий президент Т.Г. Масарик, который вместе со своим окружением исходил из того, что репатриацию, а также ассимиляцию (денационализацию) большинство беженцев-эмигрантов не приемлют. Поэтому президент предложил третий путь, который бы их защитил от вышеупомянутой депортации или ассимиляции. Коренное отличие положения эмигрантов из бывшей Российской империи в ЧСР по сравнению с положением эмигрантов в других странах состояло в том, что чехословацкое правительство начало целенаправленно регулировать их приток для того, чтобы сосредоточить в государстве лучшие культурные силы, которые после ожидаемого скорого падения большевистской власти подготовили бы новую интеллигенцию для будущей демократической России [12, с. 372]. Именно путь решения вопроса эмиграции в ЧСР в 1920-х гг. и главная цель, которую преследовали инициаторы нового подхода к беженцам из России, значительно повысили авторитет Чехословакии в глазах всей Европы и стали для правительств других государств стимулом к пересмотру существующих взглядов на вопрос эмиграции [13, с. 429].

В отличие от остальных государств Западной и Центральной Европы, в Чехословакии в сжатые сроки были созданы наиболее благоприятные условия для эмиграции из России. Правительство ЧСР рассматривало «русскую» эмиграцию как фактор политической и культурной жизни, принимая во внимание традиционные русофильские настроения значительной части чешской и словацкой общественности, а также конкретные экономические интересы [12, с. 371]. Официальные круги ЧСР пропагандировали свой подход и объясняли причины оказания помощи беженцам из России, которые, согласно их высказываниям, основывались на трех принципах: на идеях гуманизма, славянского единства и благодарности тысячам неизвестных «русских» героев, сражавшихся и павших в мировой войне за общие цели [14, с. 3]. Не последнюю роль сыграли политические интересы и мотивация (гуманитарная помощь как выгодное помещение политического капитала).

На состоявшемся 28 июня 1921 г. заседании чехословацкое правительство утвердило государственную программу масштабной помощи беженцам из России под названием «Программа помощи русским»⁵ (чеш. — *Ruská pomosná akce*) [5, с. 20]. Конкретный план помощи был

⁵ В литературе «Программа помощи русским» обозначается также как «русская акция», «русская акция помощи» или «русская вспомогательная акция».

представлен МИД ЧСР Кабинету министров в ноябре 1921 г. Шефом «русской акции» стал В. Гирса — уполномоченный представитель министерства иностранных дел Э. Бенеша. Парламентскую комиссию, которая контролировала осуществление программы, возглавил А. Гайн [11].

Первоначально «Программа помощи русским» развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в России (Поволжье) и Украине (1921—1922 гг.), второе — на решении проблемы беженцев, находящихся в Чехословакии. В основу второго направления были положены следующие принципы: военные формирования бывшей Российской империи не допускаются на территорию ЧСР, эмигранты должны оставить политическую деятельность, помощь должна оказываться на основе единой государственной программы, акция должна создать условия для нахождения эмигрантами средств к существованию.

С января 1922 г. в Советскую Россию и Украину был отправлен транспорт с лекарствами и продуктами (в целом на помощь голодающим было потрачено 13 млн. крон). Но в середине 1922 г. советскими властями была запрещена иностранная благотворительная деятельность в стране. Местные общественные организации были закрыты, а их сотрудники обвинены в контрреволюции. С этого времени под «Программой помощи русским» подразумевались лишь действия по поддержке «русских» эмигрантов на территории Чехословакии [3, с. 31—33]. В этом плане предусматривалась не только гуманитарная, но и материальная помощь эмигрантам, а также создавалась продуманная система для создания условий, которые бы позволили эмигрантам жить в ЧСР и работать в области науки, техники, экономики, культуры и искусства.

«Программа помощи русским» имела ясные контуры ориентации. Она была направлена, во-первых, на поддержку демократических сил в среде эмиграции. Особенно благоприятными в Чехословакии были условия для эмигрантов-эсеров, движение которых правительственные круги республики считали наиболее перспективным [15]. Во-вторых, акция была нацелена на поддержку академической, учебной, педагогической и исследовательской деятельности. Не случайно в то время говорилось о «русском Оксфорде» в Праге. В-третьих, акция была многонациональной — наряду с русской эмиграцией поддерживалась и эмиграция украинская, казачья, белорусская, кавказская. В-четвертых, данная программа помощи была социально однородной. Она не ориентировалась на аристократию или предпринимательские круги, а опиралась преимущественно на интеллигенцию и сельский элемент [11].

Особая делегация правительства ЧСР была в 1921 г. отправлена в Константинополь с целью набрать первую группу эмигрантов в лагерях беженцев. Около 4 тыс. беженцев, в основном казаков, были приглашены в Чехословакию в качестве сельскохозяйственных работников. В константинопольских лагерях было набрано около 1 тыс. недочувшихся студентов (к тому времени времени в ЧСР уже находилось около 300 русских и 800 украинских учащихся). Впоследствии были приглашены русские и украинские преподаватели. Начиная с февраля 1922 г. массовый перевоз «русских» беженцев в Чехословакию был прекращен, и МИД ЧСР давало лишь индивидуальные разрешения на въезд отдельным лицам, в первую очередь студентам [3, с. 33]. Тем не менее, численность «русских» беженцев постоянно возрастала вплоть до середины 1920-х гг. [1, с. 20].

В то время как волна эмиграции из России коснулась многих стран стихийно, в результате целенаправленной политики чехословацкого правительства структура эмиграции в ЧСР была значительно однороднее, чем в других странах. В республике сосредоточились высококвалифицированные кадры русской, украинской, белорусской и другой интеллигенции, преимущественно люди среднего возраста. В Прагу, Брно, Братиславу и другие города республики шел поток ученых, писателей, журналистов, врачей, инженеров, педагогов и общественных деятелей. Значительную часть эмиграции составляли студенты. Также ощутимым было количество прибывающих крестьян [12, с. 373]. В 1923 г. президент Т.Г. Масарик подчеркнул, что Чехословакия считает своей обязанностью сосредотачивать, обеспечивать и поддерживать остатки культурных сил эмигрантской среды и подготавливать новую демократическую интеллигенцию для будущей созидательной деятельности после возвращения на родину [13, с. 429].

В Чехословакии «русская» эмиграция сосредоточилась в трех центрах: в Чехии (в основном в Праге, Остраве, Брно, в их пригородах и других чешских и моравских городах), в Словакии (в Братиславе, Кошицах, Ладомирове) и Закарпатье. Точное число эмигрантов в ЧСР определить трудно. Согласно некоторым данным, в начале 1920-х гг. в ЧСР проживало около 23 тыс. русских, украинских, белорусских, армянских, грузинских эмигрантов и представителей других народов бывшей царской России, в 1926 г. — 17 тыс. человек, в последующие годы число снизилось, и в 1939 г. в стране проживало незначительное количество эмигрантов — 8 тыс. человек [16, с. 274]. Общепринятой является точка зрения, что в 1920—1930-е гг. количество «русских» эмигрантов в ЧСР составляло от 10 тыс. до 40 тыс. человек. Во всяком случае, по данным, предоставлен-

ным чехословацким правительством Ф. Нансену, в 1925—1926 гг. в ЧСР проживало 30 тыс. «русских» (русские, украинцы, белорусы и др.) и 200 человек армян. К концу 1920-х гг. эта цифра, по данным того же Ф. Нансена, снизилась до 14 тыс. человек. Таким образом, сравнивая численность «русской» колонии в ЧСР с количеством русских эмигрантов в других странах, можно прийти к выводу, что она не была столь уж велика, и ЧСР занимала лишь 11-е место в списке 20 стран, принимавших эмигрантов из бывшей Российской империи [1, с. 21]. Однако ни одно европейское государство не имело такой исчерпывающей программы помощи «русским», сопоставимой с той, которую реализовало правительство ЧСР [17, с. 133].

Благодаря значительной материальной помощи чехословацкого правительства и моральной поддержке политических и общественных кругов ЧСР были основаны десятки русских, украинских и белорусских учреждений и организаций, которые по своей сути носили культурно-просветительный характер, а их задачей было создание духовных и материальных ценностей и удовлетворение духовных и материальных потребностей эмигрантов.

В целом в период между двумя мировыми войнами в ЧСР была наиболее многочисленной украинская эмиграция. В то же время она была неоднородной как в политическом, так и в географическом плане, однако подавляющее большинство составляла интеллигенция. Ряды украинской эмиграции увеличивались за счет притока эмигрантов из Австрии и Польши, где экономические и политические условия жизни были весьма сложными. В 1920—1930-х гг. в Чехословакии кроме украинских эмигрантских политических организаций и военных объединений действовали десятки научных учреждений⁶. Все украинские школы, организации и учреждения в ЧСР появились только благодаря поддержке, оказанной в рамках «Программы помощи русским». В ЧСР были широко представлены студенты, прибывшие из Украины⁷. В этой связи можно заметить, что в то время Чехословакия,

⁶ Наиболее крупные: Украинский свободный университет, Украинская педагогическая академия им. М. Драгоманова, Украинский институт общественных наук в Праге, Украинская сельскохозяйственная академия в Подебрадах, Украинская научная ассоциация, Украинское историко-философское общество, Украинское юридическое общество, Украинское педагогическое общество, Союз украинских врачей, Союз украинских инженеров, Музей освободительной борьбы Украины и др.

⁷ Только в 1924 г. в ЧСР учился 6341 украинский и русский студент, из них 4663 студента высших учебных заведений. В 1928 г. их количество начало уменьшаться, а в 1931 г. насчитывалось только 500 студентов [5, с. 21—22]. Всего в 20-х гг. XX в. в ЧСР училось 60 % всех русских студентов в изгнании, в Югославии — 20 %, во Франции — 8 %, в США — только 2 %.

а особенно Прага, стала наряду с Харьковом, Киевом и Львовом одним из центров украинской культурной, научной и даже общественно-политической жизни. Вплоть до 1945 г. Прага была одним из самых активных очагов украинской эмиграции [12, с. 373—374].

С другой стороны, русскими эмигрантами в ЧСР были основаны многочисленные научные учреждения⁸. Прага была известна как центр русской издательской деятельности и вместе с Берлином и Парижем относилась к наиболее известным издательским центрам русской эмигрантской диаспоры. К примеру, в 1920—1940-х гг. в Праге выпускалось около 100 русскоязычных журналов и 200 газет [5, с. 24].

Кроме разнообразия культурной, научной и общественной жизни русской эмигрантской среды также наблюдалась активная политическая деятельность, несмотря на то что одним из условий пребывания эмигрантов в ЧСР было требование не заниматься политической деятельностью и не создавать политические группировки. Но определенная часть эмигрантского сообщества не смогла отойти от политической деятельности, которая, впрочем, быстро пошла на убыль, в основном в 1930-е гг. в связи с приходом к власти нацистов в Германии. В результате деятельности А. Гитлера, угрожающей Центральной и Восточной Европе, русская эмиграция распалась на два идеологических течения: на приверженцев и противников обороны СССР. Последние даже видели спасение России и вообще славян в объединении с гитлеровской Германией [16, с. 286].

Белорусы в Чехословакии были не такой многочисленной группой, как русские и украинцы. Только со второй половины 1921 г. можно говорить о формировании белорусской диаспоры в ЧСР. С этого времени начался целенаправленный приезд белорусов как стипендиатов чехословацкого правительства на учебу в ЧСР. Наибольшее количество белорусов приехало в ЧСР в 1921—1923 гг. Их общее количество оценивается в несколько сотен человек [18, с. 85—88]. В общей массе белорусской диаспоры в Чехословакии студенты составляли более 90 %. Это было главным отличием белорусской диаспоры от русской и украинской, у которых роль и количество представителей старшего поколения была намного большей. Лишь в конце 1923 г. белорусская коло-

⁸ Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русский институт торговли, Русский народный университет, Русский институт связи, Русская гимназия в Праге, Автомобильная и тракторная школа, а также Русский заграничный архив, Экономический кабинет Прокоповича, Институт по изучению России, Русский научно-исследовательский институт сельскохозяйственных культур, Археологический семинар Кондакова, Архив донских казаков, Русская народная библиотека, Русский культурно-исторический музей, казацки объединения и т. д.

ния в ЧСР пополнилась влиятельной частью белорусских политических деятелей, которые представляли правительство БНР в изгнании и переехали в Прагу на постоянное место жительства. Наряду с земляческой организацией — Белорусской громадой в Праге — был создан целый ряд общественных организаций различной политической окраски (Белорусский студенческий кружок им. Ф. Скорины, Белорусский крестьянский союз в Праге, Объединение белорусского поступового студенчества), между которыми наблюдалось идеологическое противостояние и столкновение интересов различных групп белорусского национального движения (А. Цвикевича, В. Ластовского, А. Луцкевича). Центробежные тенденции, которые доминировали в белорусской диаспоре в Чехословакии, отрицательно повлияли на продуктивность работы различных организаций и оптимальное использование возможностей, предоставленных правительством ЧСР [11].

В результате изменений внешнеполитического масштаба на рубеже 1920—1930-х гг. в политике чехословацкого правительства в отношении «русской» эмиграции произошел определенный переворот. Кроме экономических трудностей 1930-х гг. следует указать и другие причины внутривнутриполитического и международного характера, которые повлияли на позицию государственных и политических органов, особенно в отношении украинской эмигрантской среды.

Во-первых, следует упомянуть об обострении внутривнутриполитической борьбы в ЧСР во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., перегруппировке политических сил в чехословацком парламенте и правительстве, росте влияния чешских народных социалистов, которые традиционно придерживались прорусской ориентации.

Во-вторых, в результате обострения международной политической ситуации, наступления фашизма и нацизма и подписания договора о взаимной помощи между ЧСР и СССР, враждебно относившимся к украинским сепаратистским настроениям, а также сведений, полученных правительством ЧСР, о том, что некоторые представители украинской эмиграции принадлежат к недавно созданной в Вене в 1929 г. Организации украинских националистов, которая поддерживает политические контакты с представителями нацистской Германии, чехословацкие правящие круги были вынуждены занять выжидательную позицию в отношении украинской эмиграции в республике. Кроме того, против поддержки украинской эмиграции со стороны правительства ЧСР остро и однозначно высказались правительства Польши и СССР.

И наконец, в-третьих, одной из главных причин изменения политики правительства ЧСР по отношению к украинской эмиграции было

постоянное негативное развитие политико-культурных процессов в Закарпатье, где с конца 1920-х гг. при активном участии украинских эмигрантов углублялась проукраинская ориентация⁹, что оценивалось в Праге как проявление неповиновения и угроза государственной целостности [12, с. 385].

Впоследствии полиция ЧСР постоянно держала украинскую эмиграцию под контролем, соответствующим образом реагировала на проявления неповиновения или антигосударственной деятельности и принимала жесткие меры против нарушителей порядка. В то же время в республике были ужесточены антиэмиграционные законы, а также постоянно проводились проверки, контроль и составлялись ежегодные отчеты о положении, проживании и деятельности эмигрантов на местах, особенно в 1930-е гг.

«Программа помощи русским» была для Чехословакии весьма обременительной и требовала значительных финансовых средств. В целом в 1921—1937 гг. правительство ЧСР выделило на эту программу 508 034 511 чехословацких крон [3, с. 36]. По другим данным — 616 млн крон [19, с. 18]. Раздавались критические голоса, особенно из рядов левых и коммунистических сил, потому с 1927 г. в МИД началась подготовка плана постепенного сворачивания этой программы. Дальнейшее снижение капиталовложений для «русских» эмигрантов было вызвано обострением политических, экономических и социальных проблем, связанных с экономическим кризисом в начале 1930-х гг. Признание Чехословакией СССР в 1934 г. и последующее подписание чехословацко-советского союзнического соглашения 1935 г. официально положили конец «Программе помощи русским». Впоследствии, после 1934 г., делами эмигрантов, проживающих на территории ЧСР, занимался Чехословацкий Красный Крест. В 1937 г. попечение об эмигрантах было возложено на Министерство социальной защиты ЧСР [5, с. 22]. Именно это способствовало снижению уровня

⁹ Украинские эмигранты чувствовали себя в Закарпатье не гостями, которых приняло чехословацкое правительство, а местным населением. Они активно включились в процесс культурной и просветительской работы среди местных русинов. На протяжении 1920—1930-х гг. украинские эмигранты своеобразным способом культивировали украинские ценности, сопровождая их украинизацией политической и культурной сферы, а также общественной жизни. Именно эта часть эмиграции, мечтавшая о независимости Украины (а осуществить это в Украине в то время было невозможно), пыталась создать государство на чужой территории — украинское националистическое государство в изгнании. В этих условиях проукраинско-националистическим элементам удалось постепенно проникнуть в закарпатскую политику и в момент падения 2-й Чехословацкой Республики, в ночь с 14 на 15 марта 1939 г., переименовав Закарпатье в Карпатскую Украину, заявить о ее выходе из ЧСР (сразу после этого Закарпатье было оккупировано хортистской Венгрией).

«русской» эмиграции в Чехословакии. Часть эмигрантов стали перебираться в другие, прежде всего западные, страны. Остальные взяли курс на получение чехословацкого гражданства и последующую ассимиляцию в чехословацком обществе.

14 марта 1939 г. в силу известных причин Чехословацкая Республика прекратила свое существование. Чехия оказалась в когтях гитлеровского Протектората Чехии и Моравии, Закарпатье было оккупировано хортистской Венгрией, а в Словакии было создано Словацкое государство (с 21 июля 1939 г. Словацкая Республика). Русские и украинские эмигранты, которые оказались на территории, оккупированной Германией и Венгрией, и не перешли на сторону нацизма, разделили участь остальной части населения. В независимой Словакии их положение было все же иное.

Словацкая Республика (1939—1945 гг.) проявляла большой интерес к установлению контактов с эмигрантскими или просто антисоветскими организациями и движениями сопротивления народов СССР. Положение русских и украинских эмигрантов было относительно прочным в словацком обществе и государственных службах. Во время войны в Словакии издавались книги русских (несоветских) авторов, что в Европе, находившейся под властью немцев, не было само собой разумеющимся. Правительство страны преподносило это как сотрудничество с «Другой», т.е. небольшевистской, Россией. Это сотрудничество с русской, а тем более украинской политической альтернативной силой, разумеется, не могло выходить за рамки, определенные немецкими планами [20, с. 13].

Более того, в августе 1944 г. словацкое правительство с согласия Германии приняло на постоянное жительство около 20 тыс. русских и украинских беженцев, которые в результате мощного наступления советских войск на восточном (советско-германском) фронте прибыли с территории Генерал-губернаторства Восточной Польши и Западной Украины, особенно из Галиции [21].

Продвижение линии фронта через чехословацкую территорию и присутствие частей советской Красной Армии в ЧСР для русской и украинской эмиграции означало то, чего она больше всего опасалась. После освобождения Чехословакии все «русские» учреждения, культурно-просветительские и научные заведения, организации, которые были созданы усилиями эмигрантов на территории ЧСР в 1919—1945 гг., были ликвидированы как «антисоветские» и «буржуазно-националистические». В результате сотрудничества советских и чехословацких органов в послевоенные годы (1945—1950) в Чехосло-

вакии осуществлялась крупномасштабная акция по возвращению на родину и последующая массовая репатриация всех лиц, имеющих что-либо общее с бывшей царской Россией или СССР. Поиск, поимка и депортация лиц «русского происхождения» — потенциальных советских граждан, находящихся на территории республики, проходили в несколько этапов, что в конечном итоге означало полную ликвидацию «русской» эмиграции в Чехословакии [22].

Библиографический список

1. Серапионова, Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике / Е.П. Серапионова. — М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. — 197 с.
2. Бурева, В.В. «Русская акция» Чехословацкого правительства и церковная жизнь русской эмиграции (1920—30-е гг.) / В.В. Бурева // Информационно-аналитический портал Воцерковление.ru. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/stranicwistorii/1937-1-g-----1920-30--.html>. — Дата доступа: 01.07.2014.
3. Сладек, З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» / З. Сладек // Славяноведение. — 1993. — № 4. — С. 28—38.
4. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев [и др.]. — М.: Попечительство о нуждах Рос. репатриантов, 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/>. — Дата доступа: 12.11.2014.
5. Harbulová, L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918—1945 / L. Harbulová. — Prešov: Metodické centrum, 1999. — 46 s.
6. Černý, J. Státní občanství ČSSR. Ucelený výklad právních předpisů, upravujících československé státní občanství / J. Černý, V. Červenka. — Praha: Orbis, 1963. — 247 s.
7. Бочарова, З.С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920—1930-е гг. [Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «История». — Сайт «Я иду на урок истории и обществознания» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://his.1september.ru/2002/02/1.htm>. — Дата доступа: 12.11.2014.
8. Začková, J. Zabudnutí vojáci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914—1918 / J. Začková. — Bratislava: VHÚ, 2013. — 176 s.
9. Encyklopedie válečného zajetí a internace Czech Republic [Elektronický zdroj]. — Režim přístupu: <http://www.evzi.estranky.cz/clanky/mista-zajeti-a-internace-1914-1921/zajatecke-tabory-na-uzemi-rakouskouherske-monarchie-a-na-okupovanych-uzemich--1914-1918/valecni-zajatci-v-rakouskouhersku-1914-1918/repatriace.html>. — Datum přístupu: 13.11.2014.

10. Zasedání Národního shromáždění československého r. 1920. Tisk 2518. Odpověď ministra vnitra spolu s ministrem národní obrany na dotaz člena Národního shromáždění Dr. Fr. Krejčího a společníků (č. tisku 1788) o nedovolené agitaci ruských válečných zajatců// Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna [Elektronický zdroj]. — Režim přístupu: http://www.psp.cz/eknih/1918ns/ps/tisky/T2518_00.htm. — Datum přístupu: 15.11.2014.
11. Буча, А.И. Начальный этап «русской акции» чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии (1921—1923 гг.) / А.И. Буча // Рос. и славян. исслед. — Минск: БГУ, 2010. — Вып. 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rsijournal.net/nachalnyj-etap-russkoj-akcii-chexoslovackogo-pravitelstva-i-organizacionnoe-oformlenie-beloruskoj-diaspory-v-chexoslovakii-1921-1923-gg/>. — Дата доступа: 15.11.2014.
12. Vidňanský, S. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku / S. Vidňanský // Historický časopis. — Roč. 40. — 1992. — Č. 3. — S. 370—385.
13. Vidňanský S. Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918-1948 / S. Vidňanský // Historický časopis. — Roč. 45. — 1997. — Č. 3. — S. 420—439.
14. Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci. — Praha: Nákl. vlastním vydalo Ministerstvo zahraničních věcí, 1924. — 128 s.
15. Савицкий, И. Начало «Русской акции» // «Новый Журнал» [Электронный ресурс]. — 2008. — № 251. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/251/>. — Дата доступа: 15.11.2014.
16. Tejchmanová, S. Politická činnost ruské emigrace v Československu v letech 1920-1939 / S. Tejchmanová // Slovanský přehled. — Roč. 77. — 1991. — Č. 4. — S. 273—287.
17. Протасова, Е.Ю. «Акция помощи» русским эмигрантам в Чехословакии 1920—1930-х годов в современной историографии / Е.Ю. Протасова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. — 2012. — № 1. — С. 133—135.
18. Kolenovská, D. Běloruská emigrace v Československu (1918—1938) / D. Kolenovská // Soudobé dějiny. — Roč. 14. — Č. 1. — 2007. — S. 78—93.
19. Кишкин, Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920—1930-е годы) / Л.С. Кишкин // Славяноведение. — 1995. — № 4. — С. 17—26.
20. Šmihula, D. Orientácia na ruskú alternatívu. Rusi a Ukrajinci na Slovensku / D. Šmihula // Literárny týždenník. — Roč. 11. — 1998. — Č. 43. — S. 13.
21. Šmigel', M. Evakuácia v znamení úteku / M. Šmigel', P. Mičko. — Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2006. — 120 s.
22. Шмигель, М. Советская репатриационная операция в Словакии (1944—1950 гг.) как фактор последствий войны / М. Шмигель // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. — М.; СПб.: Нестор-История, 2014. — С. 257—269.